

КГБ и другие стихи

Игорь Померанцев

Игорь
ПОМЕРАНЦЕВ

КГБ
и
другие
СТИХИ

КГБ и другие стихи

ИГОРЬ ПОМЕРАНЦЕВ

КГБ
и другие стихи

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА 2010

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 55

Померанцев И.

П 55 **КГБ и другие стихи.** — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 128 с.

Игорь Померанцев родился в 1948 г. в Саратове, вырос в Черновцах, окончил факультет романо-германской филологии Черновицкого университета. С 1978 г. в эмиграции (Лондон, Мюнхен, Прага). Работал на радиостанциях Би-би-си (1980–1987) и «Свобода» (с 1987 г.). Автор книг стихов «Стихи разных дней» (СПб., 1993), «News» (Киев, 1998), «Почему стрекозы?» (СПб., 1999), «Семейное положение» (М., 2002), «Те, кто держали нас за руку, умерли» (М., 2005), «Служебная лирика» (М., 2007), а также четырех книг прозы и эссеистики, радиопьес. Первый лауреат учрежденной альманахом «Urbі» Премии имени Вяземского (1996).

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-86793-764-5

© И. Померанцев, 2010
© Художественное оформление.
«Новое литературное обозрение», 2010

КГБ и другие стихи

Прощай. Не озирайся. Озирнись!!!*

Василь Стус

(1938—1985, лагерный карцер)

Я считаю, что это неплохой результат.

Из двух дюжин допрошенных друзей
только двое раскололись.

Валерий Николаевич угодливо дал
прочсть их показания.

Сначала Ларины.

Но она была совсем девчонка,
любила шмотки и зналась с фарцой.

Её прижали «спекуляцией»
(кажется, статья 154).

И зачем я давал ей «плохие книжки»?

Ну совсем не в лошадку корм.

И Митюхин.

Я его после спросил:

— Ты что, в штаны наложил
или просто сдурел?

Он ответил:

— А почему я должен был врать?

Митюхин — моралист!

Да это не курам — цыплятам на смех.

Так я и не понял: пересрал или козёл.

Нет, неплохой результат.

Только двое.

Правда, после дюжину как ветром сдуло.

* Прощай. Не оглядывайся. Оглянись!!!

Внезапно стемнело.
Я притаился за водосточной трубой.
Там было промозгло и осклизло.
Зато коты так и не заметили меня.
От них шибало помойкой и подвалом.
Они важно разговаривали
и по очереди отрыгивали.
Что бы они сделали,
если бы обнаружили меня:
оскорбили? избили? забрали деньги?*

* Здесь и далее другим шрифтом набраны стихи и тексты, написанные в семидесятые годы прошлого века.

Между прочим, моя-то, Галина Ивановна, на допросе отказалась с ними разговаривать.

— Игорёчка все всегда хвалили:
в школе, в университете, на службе.

И характеристики — только положительные.

А вы про него гадости говорите.

Не желаю с вами разговаривать!

Отец уже, к счастью, умер.

Он бы этого не выдержал.

Полосы света. Июль.
Самая светлая полоса
дышит рядом
на диване.
На карте для пальцев
Киев
где-то рядом
с Александрией.

Это была единственная искренняя фраза
Вилена Павловича:
— Подруги у вас — пальчики оближешь.
Я уж не уточнил какие.
Интересно, сколько они меня прослушивали?
Месяца три? Полгода?
Кто у меня тогда бывал?
Представляю, как Вилен Павлович и Валерий
Николаевич
прокручивали записи.
Потели? Краснели? Пыхтели?

В первое утро ареста
майор приказал принести в камеру
оба тома «Войны и мира»,
чтоб знал,
что времени навалом.
Но это только утром
такое счастье: родные голоса,
французский с русским вперемежку,
одышка Пьера, поцелуй Наташи.
Дурак-майор, нашёл чем запугать.
Но это только утром,
а пока

Я позвонила папе на работу
и спросила разрешения включить телевизор.
В это время шли мультики.
Папа сказал, что он занят и что включить можно.
Я спросила:
— Чем занят?
Он ответил:
— Допрашиваю, детка.
Я ничего не поняла,
но телек сразу включила.
Девочка, ты выросла?
Папа допрашивал меня.

Поздно вечером
в гастрономе
я увидел их всех
сразу и поодиночке.
Электрический лютый свет
обтекал скулы, спитые глаза,
лица хорошо поработавших убийц.
Рядом, покачиваясь, как водоросли,
стояли на тонких ногах
их полусонные дети;
их некрасивые жёны
в масках из пудры и помады
били продавщиц.
Когда кто-нибудь из них
пересекал границу света,
моё сердце сжималось
и срывалось во мрак,
и я понимал,
что не любить их просто невозможно.

Бабушка молчала. Отец бурчал.
Мать всхлипывала.
Я целовал мамочкины алые ноготки,
фильдеперсовыи коленки,
пудренный носик.
Год был 1951.
Бабушка, кавалер Ордена Славы,
приехала к нам в Читу,
чтобы по-тихому
выскользнуть из рядов ВКП(б).
Отец, сотрудник газеты
«На боевом посту»,
тёщу не сдал. Но бурчал.
Все могли на фиг загреметь.
По-моему, не худшая семья.

Забытый лес, что отшумел. Название
не выветрилось: ЦЕЦИНО. Туда —
известно каждому — на жухлую листву
любимых волочили. Там девчонок —
известно также каждому, — одетых
в беретик красный или сапожок,
проигрывали в карты. В школе каждый
об этом знал. Там сапожок сдирали,
и потому ожогом проступил
багровый этот лес в отколыхавшем,
сгоревшем, острым запахом пропахшем
любви пожухлой, с глаз отковылявшем,
как этот пень, что в сапожке озябшем,
в беретике, слинявшем набекрень.

Ну хорошо, мне рук не выкручивали,
но Марку подожгли дверь.
Гришу вывезли в лес под Киев
и испиздили тікі так.
А Ольгу исключительно блядью называли,
и чтоб удостоверилась,
в вендиспансер к проституткам запихнули.
Вот только с Гелием осечка вышла.
В изоляторе не лечили, не лечили,
не лечили, не лечили,
пока не умер.

Божья коровка
ползёт по оконному стеклу.
Стекло тёплое и чистое,
потому что сейчас бабье лето.
Божья коровка перепутала времена года.
Как она проворна.
Какая она мужественная и безумная.
Даже не знаю,
чего в ней больше:
мужества или безумия.

Однажды Валерий Николаевич
растрогал меня до слёз.
Поглядев на портрет Стравинского
в моей съёмной комнате,
почтительно сказал:
— Пастернак...
У Надии на обыске офицерик,
увидев портрет Ахматовой,
просветлённо воскликнул:
— А, так бабка у вас еврейка!

В бане, в августе, в космах воды,
крепко в памяти сжав номер шкафчика,
шлёпают по полу — кто в белом слепке с плавок,
кто в белом слепке с семейных,
кто совсем нагишом — нелюдимы — мальчики и
мужчины.

У одного почему-то загар на левой ноге
выше, чем на правой.
Но вот появляется хранитель вечного снега,
сторож молочного комбината, короче, человек,
кожа которого
от плюсен до залысин представляет собой
эталон белизны.

Что-то мгновенно меняется в бане и в стихотвореньи.

Сгущается воздух. Пар становится суше.

Метафоры уступают место действию.

Поначалу кто-то, почти шутя, хлопает пришельца
по ягодице,

и на последней остаётся чёткий след пятерни.

Шутка нравится, и вскоре к плеску воды и хохоту

примешивается весёлый звук шлепков по телу.

Каждый подходит и — в меру воспитанности —
бьёт ладонью, кулаком или шайкой Пришельца.

Дети норовят ущипнуть.

Звук хлещущей воды сливается со звуком
хлещущей крови.

Поэт (как-то неловко в таком контексте говорить
от первого лица)

не участвует в игрище загорелых,

но испытывает чувство солидарности с ними:

ему с первого взгляда Пришелец не нравился.

Поэт смотрит на некогда белоснежную,
а ныне пунцовую кожу
и вспоминает раскалённое, inferнальное
нутро телефонной часовенки, откуда вчера ночью
он навзрыд признавался в любви.
Под занавес к тихо лежащему пришельцу
приближается гомосексуалист и завершает феерию,
срывая аплодисменты и возгласы «Браво!».
Посетители не спеша домываются, выходят
в раздевалку
и окунаются в накрахмаленные простыни,
красиво оттеняющие смуглые плечи и лица.

Вилен Павлович мне честно сказал:
— Вы же не неврастеник, как Плющ.
Вам даже экспертиза не нужна.
Вы — нормальный интеллигентный человек.
Ничего, кроме лагеря в Мордовии, вам не светит.
У меня прямо от сердца отлегло.

Хотя октябрь,
я в пиджаке.
Вчера мне сказали
что-то очень плохое.
Солнечно так.
Лица детей похожи на погоду.
Тот же состав.
Все одеты в пальто или плащи.
Я вижу это,
но мне всё равно не холодно.

В блоге прочёл воспоминания
давней приятельницы
(не виделись лет тридцать):
«Помню, с каким ужасом я пыталась остановить
поток диссидентских высказываний Игоря не
просто наедине, а во всеуслышание в фойе или
в столовке Института».

Я тоже помню нашего героя.
Его ночные разговоры с поджилками.
Опрокинутое лицо в зеркале.
Наплывы тошноты.
Нет, нервная система,
да и все прочие,
работали ненормально.

Срок их заключения
так долог,
что начинаешь забывать о них,
и когда кто-нибудь
наконец
оказывается вне зоны,
испытываешь чувство ужаса,
но вскоре,
услышав по радио
о повторном аресте,
отдыхаешь душой
и блаженствуешь.

Умерла мать Евгена.
Мы пришли на похороны.
После остались на поминки.
Сколько нас было?
Не помню. Пятеро?
Трое? Считая Евгена.
Он, само собой, не пришёл.
Но у него была отмазка:
был в это время в Мордовии.
После умерла мать Иосифа.
Мы пришли,
а он тоже сачканул.

Ночами, такими туманными,
что хочется навести резкость,
проступают казармы с бурым освещением,
в затхлых спальнях которых
слышны лязг и бряцание,
оттого что кому-то приснился автомат;
проступают больницы,
в приёмных покоев которых
землистые больные и их землистые родственники
сидят в ожидании;
проступает тюрьма,
команда которой заняла первое место
в соревнованиях облсовета «Динамо»
по борьбе самбо.
Проступает такое,
чего ты не видел днём.

Несколько дней кряду меня водили по коридору
на допросы.

Краем глаза видел ведомственную стенгазету
«Дзержинец».

Заметок прочесть не мог:

— Идите, идите.

Но в душе смеялся.

Значит, и этих уродов

заставляют писать заметки для стенгазеты.

Жалко, не дали прочесть.

В чём же, интересно, был смысл

их социалистического соревнования?

Да, ещё успел заметить, что в стенгазете

был кроссворд.

Интересно, тематический?

Поступок совершён,
и арест последует через
месяц-другой.
Но в интервале,
хотя уже всё решено и предрешено,
он по привычке думает,
взвешивает и прикидывает,
словно выбор
ещё остаётся
за ним.

Мыкола «изнасиловал» девушку.
Принёс торт. Она съела. Ну он и давай её насиловать.
Любопытно, что она сейчас делает?
Внуков растит?
Но тут другая история.
Когда Мыколу судили, я уже получил в Германии
политическое убежище.
Написал Йегуди Менухину:
«В Киеве судят музыканта Мыколу, не выдающегося.
Вступитесь. Amnesty International может подтвердить».
И он вступился!
Какие там семейные «ассоциации» у него
с Украиной были,
с пионерами Холокоста — Гонтой, Богданом, —
мраком покрыто.
Но вступился.
Браво, маэстро!

Пасть собаки
в сантиметре от губ.
Если скажу что-нибудь вслух,
она откусит мне рот.
Собака подрагивает
от нетерпенья.
Отмолчаться
или всё-таки рискнуть?

Зачем Моисей это сделал — не знаю.
Я не психоаналитик.
В конце перестройки Моисей
пригласил на свой поэтический вечер
Валерия Николаевича.
Наш майор уже был на пенсии.
Я против него ничего не имею.
Когда Вилен Павлович сказал мне на допросе,
что «мы не контролируем ситуацию в лагере,
так что там всякое может случиться...
к сожалению»,
Валерий Николаевич покачал головой:
мол, Вилен Павлович погибает.
По крайней мере, я так это понял.
Но я о другом. Ну хорошо,
пришёл послушать стихи Моисея.
Даже хлопал. И что с того?
Катарсис, что ли? Но мы же не греки.
Получается, что Моисей — истинный христианин,
а я — злопамятная вошь с кровососущим хоботком?

От голословности полей, равнин декабрьских,
увиденных из узких поездов,
равнин таких тяжёлых, что срывался
стальной пруток с оконной занавеской
под неподвижным локтем, нет, скорей,
от голословности забытых песен
про поле, про равнины, что под льдистым
и колким взглядом не поймёшь кого
от перепугу пухнули, хотя
кому ещё не трусить, не трястись,
не обливаться злым холодным потом,
как не равнинам, от стихов о том,
чему никак не стать воспоминаньем, —
вернуться в дом, к клеёнчатой скатёрке,
замыганной, липучей от вина,
бордового, как розы поцелуев,
к атласистым дворовым тополям,
раздавшим ветру вороха ватина,
чтоб лету было мягко и тепло.
Здесь, дома, воздух гуще и серей,
им мажешь хлеб, его стираешь с кожи.
А помнишь, мальчик, ты сильнее всего
боялся корпусов инфекционных,
их стен высоких, их мостов подъёмных,
и факелов растрёпанных, чадящих,
и блеска лат, и лязга разговоров?
Всё обошлось, ну, улыбнись — ты дома.
Попробуй встать. Дыши. Не умирай!

На кухне у Марка
в Дни Великого Мора,
или Большой Чумы,
или Малой Февральской Холеры
придумали свой кроссворд.
«Ползучий кустарник». Четыре буквы
по горизонтали.

(Плющ.)
«Город в Костромской области». Пять букв
по вертикали.

(Галич.)
«Совсем». Пять букв по горизонтали.
(Вовси.) Ясно, какой Вовси? Тот самый. Профессор.
Хохотали до слёз.
Очень хотелось отправить в «Дзержинец».
Насилу сдержались.

НАДИИ

Дорогая, закладка,
которую ты вышила
украинским узором,
когда тебя заперли в карцер,
и которую ты после
подарила мне, —
в моей записной книжке.
Я хочу, чтобы имя твоё
переплелось украинским узором
с этими строчками.
Я хочу,
чтобы все мои слова
откликались на твоё имя.

Устраивать свадьбу во время чумы
было совсем глупо.
Но я не мог отказать родителям невесты.
Они позвали в ресторан своих друзей,
и нам кричали «горько».
Ещё был фотограф — свадебный.
Но где-то в глубине зала я заметил
другого фотографа — незваного.
Интересно, остались ли эти снимки в архиве КГБ?
А те записи, аудио, моих свиданий?
Хотел бы я услышать эти любовные стоны
тридцатилетней давности? Не уверен.

В подсобке магазинчика,
что рядом с нашим домом,
холодно и затхло.
Продавщица, похожая
на кулёк сахара-песка,
тащит что-то громоздкое.
Вилен Павлович смотрит
в закрытое, размашисто закрасненное окно.
Я стою лицом к двери,
у раковины,
и смываю с лица.
Откуда-то выбегает моя жена.
Сквозь шум воды
слышен её голос:
— Вилен Павлович,
разве у вас мало кабинетов?
Почему вы беседуете с ним тут?

Вот из-за чего было стыдно.
Я только женился и вселился в дом родителей жены,
добропорядочных евреев.
Получалось, что из-за меня
ввалится на рассвете гэбуха с понятами,
перевернут всё вверх дном,
чего (не)доброе, найдут драгоценности
и больше ничего не найдут.
Заведут дело, но не на меня.
А эти евреи во мне души не чаяли.
Эсфирь Исаевна поучала:
— Если в кутузку передам тебе колбасу,
один раз надрезанную, значит,
Гришу тоже взяли. Если два раза,
значит, и Марка.
Ну совсем меня совесть замучила.
Пришлось сваливать.

ГРИГОРИЮ Т.

За полночь ты выйдешь из подъезда и сразу увидишь
два сгустка ночи, в каждом из которых
в тусклых лучах подсветки
молчат трое мужчин, не считая водителя.
Ты оттолкнёшься ногами от асфальтового дна города,
и чёрные сгустки, субмарины ночи, плавно
поплывут за тобой,
не включая фар. Твоё сердце медленно оторвётся
от тела
и заскользит в противоположную от него сторону,
прикидываясь морским ежом или жемчужницей.
И чем зловещей будет этот ночной заплыв,
тем прекрасней будут воспоминания, но всё равно —
не застёгивай плащ, переночуй у нас хотя бы
ещё одну ночь.

Потрясающе!
Когда Вилен Павлович выходил,
Валерий Николаевич терял ко мне интерес,
доставал книгу шахматных задач
и решал их, грызя кончик карандаша.
Так вот кто виноват в распаде СССР!

Жена прочла две дюжины стихотворений и сказала:
«Это нечестно. Почему ты ничего не написал про ба-
бушку Цилю? Ты что, забыл, как она не впустила их в
дом?» «Хорошо, — сказал я, — сейчас напишу».

Жена увидела их из окна
и тотчас угадала, кто они:
по наклону головы,
целеустремлённости,
жизнеутверждающей походке.
Она закричала:
— Бабушка, бабушка, они идут к нам!
Что делать?
Старуха лепила клёцки.
Когда они позвонили в дверь,
а после стали колотить в неё,
старуха сказала:
— Почему мы должны пускать в дом чужих людей?
Поколотят и уйдут.
Когда они ушли,
старуха бросила клёцки в бульон.

В наш двор родители охотно
отпускают играть детей, потому что уверены:
в крайнем правом окне пятого этажа
засел снайпер, равных которому нет.
В других дворах тоже есть снайперы,
но наш куда лучше:
во-первых, его плечо даже ночью
не расстаётся с прикладом;
во-вторых, он добросовестен
и всегда держит слово;
в-третьих, он сам отец двух близнецов,
а значит, превосходно знает
самые уязвимые точки детского тела.
Каждый праздник все наши жильцы
скидываются по трёшке
и покупают снайперу скромный подарок:
чучело вепря или ритуальную маску
африканского племени мурси.
Лично мне лестно, что сбор денег,
выбор подарка и его вручение
доверяют моей теще и жене.

РОНДЕЛЬ

(Из Г. Тракля)

Растаяло чистое золото дней,
синёные сгустки, багрянец заката.
Пастушечьей дудочкой тянет из сада,
багряными сгустками, синькой заката.
Растаяло чистое золото дней.

Дело было в Эр-Рияде.
В ресторане ужинали несколько европейских
бизнесменов и финансистов,
саудовский прогрессивный журналист
и репортёр Патрик (по кличке Red Nose).
Всё было изумительно,
пока саудовский интеллигент не сказал,
что Гитлер молодец: с евреями разобрался.
Тони ел. Жан-Пьер молчал. Колин головой качал.
Ну, Патрик, давай! Ты что, язык проглотил?
И тогда ирландская пьянь сказала:
— Господа, к сожалению, я вынужден покинуть
вашу во всех отношениях приятную компанию,
поскольку среди нас есть человек,
чьё мнение на некоторые исторические события
не подлежит обсуждению.
Молодец, пьянь!
Вот кого нам не хватало в Киеве!!!

Они позвонили в шесть утра.
— Телеграмма!
В полусне,
чтобы после вернуться в сон,
ты бормочешь: «Минуточку»,
натягиваешь, что попадёт под руку,
нашариваешь в кармане мелочь
и открываешь дверь.
Они вваливаются.
Самое обидное, что ты им поверил («Телеграмма!»)
и всё ещё сжимаешь в горячей ладони
враз вспотевшую мелочь
и от обиды чуть не плачешь.

После семи лет в лагерях
Иван в письмах обращался к Лёле (жене):
«Моя старэнька...»
А время шло, и старилось, и глохло.
Ну и состарилось. Ну и оглохло.
За семь лет — семь свиданий.
Любовных?

На предарестном снимке
Иван в берете, Евгений в плаще.
Эти серые китайские плащи были в моде
в шестидесятые.
В широких шляпах, длинных пиджаках,
с тетрадями своих стихотворений...

Слушай, ты — клёвый чувак!
Клевейший!
Ты — супер! Ты — класс!
Блин буду, от тебя такого не ожидал!
А я — просто говно, поэт фуев!
А ты...ну, слов нет.
Господи, спасибо тебе!
Пятки тебе целую! Ушную раковину вылизываю,
за то, что памяти меня не лишил!

Спустя три недели после ареста Евгена
пришёл Володымир.
Он позвал меня на лестничную площадку:
боялся, что мою комнату прослушивают (и был прав).
Он был осторожным человеком.
Мы вышли. Володымира трясло.
Мне стало неловко, и я сказал:
«Что-то сегодня похолодало».
Он сухо прошелестел:
«Ты помнишь Евгена? Его арестовали».
Потом сделал паузу и спросил:
«Кто-нибудь из украинцев ещё остался в городе?»
«Да. На днях вернулась из Мордовии Надия».

Ещё минута — и стихи свободно — вот именно:
свободно, свободно, свободно...
как там дальше?

УТРЕННИЕ СТРОКИ

Это случается раз в сутки:
ровно в шесть как штык приходит рассвет
и лишает снов.
Небо может быть таким,
словно в окна смотрят абрикосовые деревья,
и хочется встать и пройтись с любимой в обнимку
по пустынному чистому городу,
вдыхая абрикосовый запах неба,
или
набрякшим, чугунным,
так что хочется уйти в любимую
и вспомнить, как, бывало, шёл с ней в обнимку
по пустынному чистому городу,
вдыхая абрикосовый запах неба
и даря ей, как гроздь винограда,
прозрачные украинские слова: «рынва», «праля».
Сегодня ночью отчего-то хлынула носом кровь,
и на ощупь, среди газет, где на первых страницах
отпечатаны миллионными тиражами
холёные подбородки, фирменные оплывшие шеи,
цепкие рукопожатья,
я нашёл лист бумаги,
испещрённый моими словами,
и прижал его к носу.
До чего это было красиво:
поэт с синими от бессонницы веками,
окровавленный черновик
его последнего стихотворения,

токайские губы любимой...
Ровно в шесть костяной лучик
постучал в стекло, и меня —
от виска до виска —
пронзила —
скорее, не мысль,
предчувствие мысли:
это пришёл рассвет.

У Григория всё началось в Париже
в вестибюле гостиницы «Виктория» (rue Tournefort).

Руководитель группы сказал ему:

— Ах ты, сука, мало того, что один ушёл,
так ещё и опаздываешь!

Мы тебе покажем, как шляться по Парижу!

Григорий холодно стряхнул чужую руку с плеча:

— Уймите свой пыл. Я на территории
свободной Франции.

Лично я болею за слабых.

До сих пор жалко руководителя группы.

Что было неприятней всего?

Что арестовали на пляже в мокрых плавках.

В первый день я бегал с допроса в уборную
каждые полчаса.

Вилен Павлович с надеждой спросил:

— У вас что, трепак?

Накануне отъезда
я случайно увидел Ивана (другого Ивана)
в подземном переходе.

В искусственном освещении
он нёс куда-то своё лицо,
похожее на восковую маску,
на посмертный слепок,
и теперь мне кажется, что мы встретились
не под шумным Крещатиком,
а где-то в отсыревшем промозглом склепе
или в страшном сне про ночь,
проведённую на кладбище
среди разрытых могил.
Во сне Иван сделал вид,
что не узнал меня.

Посреди семидесятых,
Длинноногих, угловатых...

А. Кушнер

Уже не помню,
кто спросил про Давида Самойлова:
Вилен Павлович или Валерий Николаевич.
Я только плечами пожал,
но вспомнил, как «Дэзик»
на подмосковной даче
загружал мой рюкзачок
четвёртыми копиями.
Семидесятые — проклятые?
Да нет. Сероватые.
Сыроватые.
Да, чуть было не забыл.

Эсфирь Исаевна

дочку готовила.

— На допросе, — поучала, —

ты же кормящая мать —

извинись, подойди к стене

и брызгай молоком.

Всё же умеют евреи обделять младенцев...

В хореографическом училище

Наташа была далеко не лучшей.
Вроде бы и пластична, и грациозна,
но... недобор худобы,
если можно так выразиться.
Пришлось уйти в Художественное
и там стать лучшей.
Но всё равно уроков
в «школе маленьких лебедей» хватило,
чтобы проскользнуть сквозь щель,
оставленную ментами в двери суда.
Она сидела в зале одна среди трудящихся,
и когда Иосиф увидел её,
одну среди трудящихся,
он тотчас вспомнил,
что такое счастье.

Накануне отъезда я прочёл чудом вывезенные из лагеря стихи. Дорогая, их переписала твоя рука. Дорогая, я не могу назвать твоего имени, хотя оно звучит как надежда, потому что к тебе придут и заберут письма. Я не могу отвязаться от одной строчки — о том, что кто-то или что-то неотделимы «як око і сльоза». Дорогая, у меня есть страна, и мы неразделимы, как око и слеза. Эта строчка стекает по моей щеке. У этой страны есть любимые имена: Наташа, Иосиф, Григорий, Марк, Мыкола, ты!..

Она думала:
красить глаза или не красить.
А губы?
Маникюр не сделала.
Всё равно он не разглядел бы
со скамьи подсудимых.
Потом решила, что покрасит.
Пусть увидят,
что за эти семь месяцев
она стала ещё красивей,
ещё моложе.
И пусть после
он вспоминает её такой, красивой.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Звонят, пишут, спрашивают:

ты написал стихи, хотя бы одно?

Собственно, о чём они?

Я отвечаю: пишу публицистику. Естественно, о вас.

Дело дошло до того, что звонит из тюрьмы мой друг и спрашивает: ты написал хотя бы одно?

Я отвечаю: исключительно о тебе.

Он хмурится.

Однако. Всё же.

Но.

С каких это пор стихи стали критерием
выживаемости?

Хитренькие, не верят ничему, кроме стихов.

Нет-нет, не напрасно я их покинул

в пору цветенья ржавых бутонов проволоки.

Так им и надо,

отстаньте, кричу им,

с каких это пор?

Все окей, ол райт.

Упрямые,

уже стоя у стенки,

кричат:

хотя бы одно?

Разве это можно выдержать, я тоже не железный,

я тоже могу расплакаться, разреветься,

сломать, наконец, ручку.

В ссылке Иван перевёл несколько моих стихотворений. Я отримав їх по пошті вже в Німеччині.

Ніч рання. І, можливо, зоряна.
Горить грибок. Біля плеча
Настирні метлі роз'ялозились.
Шушукуються. Шамотять.

Метелики з легеньким потріском —
Довгасті, жваві та меткі —
Чаклюють лезами погострими
Над парою мигдаликів.

Та лампа тане вже. Десь поруч —
Передчуттям колишніх втіх —
Готичні дідусеві брови
і бабин шаруватий сміх.

А он майнула майка брата,
Дівчачих бантів крепдешин.
Пильную пильно душу саду,
де ні душі, ані душі.

Сиділи на казковім ганку...
І врозсіп. В зарослі густій
Ловлю Оленин подих п'яно,
Затамувавши подих свій.

Ці милі схованки, ця затінь
Так баламутять, що душа
Напів — сховалася у п'яти,
Напів — злітає в небеса.

Дивись, Оленко, — вишні зліва.
Під яблунями правий край.
В липневих яблуках заліза —
Що хоч магнетом їх зривай.

Дивися, от в руці синиця.
А в іншій — бачиш журавля?
Нехай цей сон все сниться й сниться.
Так гарно. Я ж іще маля.

Мы сидели в ресторане Palfy Palac
на террасе с видом на пражский Град
с Великим Американским Поэтом,
его миловидной женой
и маленьким американским поэтом.

Маленький сказал:

— У нас сейчас фашистский режим.

Жена ВАПа поддержала его:

— Президент и его команда просто размазали нас.

Я деликатно заметил:

— Кто-кто, а я вас понимаю.

Представляю, каких трудов вам стоило уйти от ФБР.

Где будете просить политическое убежище:

здесь, в Праге, или в Париже? Я бы на вашем месте
просил в Париже.

Нависла тишина (так это, кажется, принято называть).

Маленький нарушил её:

— А разве это не коммерческий фашизм —
все эти жалкие киоски и палатки
на Староместской площади?

Господа, — радостно воскликнул я, —

если мы сейчас сфакаемся до сокрушительной

критики

Макдоналдсов и размороженной жратвы

на самолётах,

то я приглашу официантов

принять участие в нашей дискуссии!

Великий крикнул и сказал:

— Игорь, сядьте ближе. Я понемногу глухну.

Вы высказали несколько оригинальнейших идей,

и я буду размышлять над ними.

Я пересел поближе. Великий спросил:

стихи Аллена, Гэри, Джека,

ну всех нас, битников,

в русском переводе звучат?

— Знаете, Майкл, у вас есть стихи о том,

как американская солдатня

в 1954 году у побережья Исландии расстреляла

сто китов,

так, забавы ради.

— А, эти стихи нравились Вознесенскому.

— Мне тоже нравятся. Но вот какая незадача:

у нас это делали с людьми и более основательно.

— Ага. Я буду размышлять.

— Но если честно, то я перече́л перед встречей

ваши стихи

и стихи ваших друзей.

Там так много наркоты, криков, воплей, камлания,
потрясающей акустики.

И вот что я понял: вы кричали порознь и хором,
потому что боитесь смерти.

Орущий — бессмертен.

По-английски ведь тоже есть выражение
«мёртвая тишина»?

— Я буду размышлять. У меня прежде
никогда не было такого разговора.

У меня тоже.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хроника текущих событий. № 51. 1978.

В августе из СССР эмигрировал киевский литератор Игорь ПОМЕРАНЦЕВ (Хр. 48).

В августе 1976 г. его задержали на пляже в Одессе. Шесть суток подполковник КГБ В.П. МЕНЬШИКОВ и майор КГБ В.Н. МЕЛЬГУНОВ допрашивали его, обвиняя в том, что он давал своим знакомым читать книги «Архипелаг ГУ-Лаг», «Из-под глыб» и «Приглашение на казнь», изъятые у его товарища Иосифа ЗИСЕЛЬСА (Хр. 44, 49).

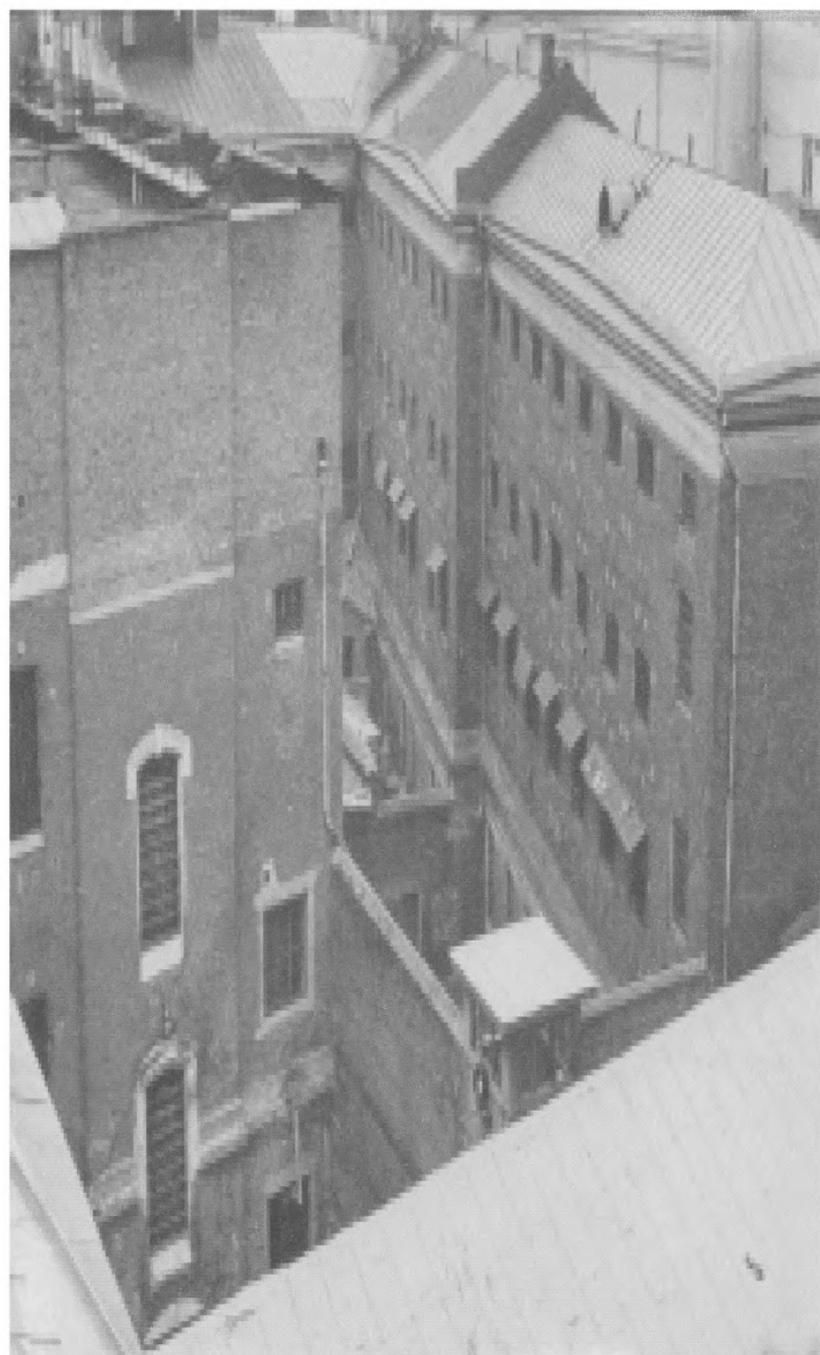
ПОМЕРАНЦЕВ отверг все обвинения как необоснованные и недоказанные. О знакомых и друзьях он говорить отказался. К концу шестого дня ПОМЕРАНЦЕВУ заявили, что он арестован и будет транспортирован в Киев, после чего его неожиданно отпустили. Все шесть дней ПОМЕРАНЦЕВ ночевал вместе со своими «собеседниками» в гостинице «Новая Московская».

В октябре 1977 г. сотрудники Киевского УКГБ подвергли допросам не менее шестнадцати знакомых ПОМЕРАНЦЕВА, от них пытались получить те же показания (см. выше). Среди допрошенных: Г. ТОКАЮК (Хр. 48), инженеры Т. КОРЧАГИНА и Н. САГАЛОВСКАЯ, переводчица М. ЛЕВИНА, сотрудник Ин-та ядерных исследований Я. БОРОДОВСКИЙ, врач Л. ШЕЙНДЛИН, лингвист А. ЛЕСОВОЙ, патентовед В. КАРМАЗИН, преподаватель музыки М. НЕЗАБИТОВСКАЯ, концертмейстер А. СМАРИЧЕВСКАЯ, студентка Л. ОЛЕЙНИК, артист Киевского камерного оркестра В. МАТЮХИН и мать И. ПОМЕРАНЦЕВА Р.И. ПОМЕРАНЦЕВА. В. МАТЮХИН на допросе заявил, что ПОМЕРАНЦЕВ распространял антисоветские клеветнические измышления, например, что в СССР творческая личность не может реализовать своих способностей.

В ноябре 1977 г. м-р МЕЛЬГУНОВ сделал ПОМЕРАНЦЕВУ предупреждение «по указу». В протоколе значилось распространение клеветнических измышлений, «порочащих...», хранение и распространение вредной литературы, регулярное прослушивание враждебных радиопередач и контакты с иностранцами. ПОМЕРАНЦЕВ отказался подписать протокол.

В ноябре 1977 г. предупреждения «по указу» получили также друзья ПОМЕРАНЦЕВА Г. ТОКАЮК (Хр. 48 и наст. вып.) и М. БЕЛОРУСЕЦ (Хр. 48). Тогда же майор КГБ А.Л. ИЗОРГИН посоветовал ПОМЕРАНЦЕВУ эмигрировать.

Укладка газопровода по дну моря

Самая главная любовь —
это первая и последняя, —
сказала она.
Его передёрнуло.
Получается,
на нём ставят точку —
увесистую, чёрную.
Она заметила и сказала,
что это цитата.
Назвала имя австрийского поэта.
Да, — ответил он, — я бы перефразировал:
это важно, очень важно,
на чьих руках ты сдохнешь.
Почему-то все любят обсасывать
этот последний эпизод:
мол, попросил бокал шампанского,
косяк с травкой, красную розу.
Но при чём тут она?
Он с любопытством посмотрел на её руки.
Неужели на этих?

Он умер? Да что вы говорите?
С собой покончил? Наглюкался?
Да не может быть!
Тридцать семь?
А мы, старики, на него рассчитывали...
Привечали,
сцену с ним делили,
в альманахе страничку уступили,
чтобы потом, уже после,

помянул в мемуарах, обрамил.
Выходит, просчитались?
Я даже знаю,
что бы он обо мне написал.
Как я послал его с магнитофоном
к мастеру татуировок,
и он вернулся с записью
и голубой бабочкой в паху.
Выходит, просчитались?

Ухохочешься!
Ещё вчера подыхала!
Всё у неё вырезали:
и поджелудочную, и почку, и матку.
Не баба, а пустышка.
Вот и воет.
Нет, не по поджелудочной,
не по почке, не по матке.
Видите ли:
запретили поднимать ношу
тяжелей килограмма.
Ну и?
Сквозь вой:
«Не смогу... теперь..
выгуливать Полканчика...
он поводок натягивает на все пять...»
Ясно.
Жить будет.

Второй встречи с ней
он, скорее всего, избежал бы,
но уж очень хотелось выяснить
несколько подробностей. Так, пять-шесть.
Выгнутых и, что ещё важней,
вогнутых.

Удивительные существа!
Снова и снова.
А ведь камня на камне не оставила,
оставшееся стёрла в порошок,
после по ветру развеяла.
И вот звонит!
— Слушай, давай встретимся.
Я сегодня иду к парикмахеру,
маникюр сделаю, педикюр.
Ну что, встретимся?

Напрасно он пригласил её домой.
Он, конечно, старался:
запёк баранину по-турецки,
купил бутылку «Barolo»,
ненавязчиво пахнущего смолой и розой.
Но она тотчас заметила
треснувшее окно в библиотеке,
порванную бумажную лампу
и, главное, бойлер,
стонущий так, будто у него
отёк лёгкого.
Вот это и есть интерьер его души, —
подумала она. —
Ладно, не интерьер,
а пейзаж.
Это слово показалось ей лиричней,
и, найдя его,
она смягчилась, чуть-чуть оттаяла.

Я заперся в уборной.
Опустил крышку стульчака
и сел на неё.
Они же собрались за дверью.
Я слышал их голоса,
но слов разобрать не мог.

Ну и слава Богу.
Мне было не до них.
Но им-то было до меня.
Через щель под дверью
они начали просовывать лезвия.
Старые, с пятнами ржавчины.
В последний раз я видел такие лезвия
в середине прошлого века
в трофейном несессере отца.
Зачем они это делали?
В расчёте на что?
Я спустил воду, чтобы отвлечь их,
и они вправду на короткое время замолкли.

Our journeys were made at night.

Michael March

Утром они уходили на работу:
каждый на свою.
Сидели на летучках,
отправляли деловые письма
по электронной почте,
встречались с клиентами, заказчиками,
ланчевали с коллегами,
писали рекомендации, отчёты.
Но поздно вечером, оставшись наедине,
раздевались догола
и путешествовали, путешествовали
до рассвета.

Он опубликовал простыни.
Ничего лучшего придумать не смог.
Мобильник она отключила,
электронные письма не открывала
(он проверил).

Но когда они (простыни)
появились в журнале,
она в бешенстве позвонила
и всё, всё сказала.
Пока она говорила,
он снова был счастлив —
и всё благодаря
мятым, нестиранным,
с запахом то ли сельдерея,
то ли фенхеля
простыням.

Ну что тебе сказать, дочка, о любви?
Однажды я проснулся от удушья.
В горле комом стоял перегар.
Рядом лежала незнакомка:
отвислогрудая, косоглазая,
с мордочкой индюшки.
Она глядела на меня
или поверх меня.
Я сказал, что ей пора идти.
Она ответила:
мы пойдём вместе
и распишемся.
Я хрипло захохотал.
Иначе, сказала она,
я пойду в милицию
и скажу правду.
Какую правду?
Что ты меня изнасиловал.
И что было дальше, папа?
Я женился.
Дальше?
Это всё, дочка.

— Ты хочешь,
чтобы я говорила тебе
все эти дурацкие bla-bla-bla?
Тебе что важней:
слова или поступки?
Однажды ночью
он прошептал ей на ухо:
— Пожалуйста, скажи мне bla-bla-bla.
И она прошептала ему
тоже на ухо:
— I love you.

Ночью приснились стихи.
Растревожили.
Прежде мог дождаться утра и записать.
Теперь боюсь забыть.
Встал.
Из спальни пошёл в библиотеку.
Боковым зрением
увидел себя в зеркале:
не приведи Господь.
Но тем не менее
стихи были о сперме.

На пражской улице
я увидел трёх карапузов.
Взявшись за руки,
они бежали вприпрыжку.
Я вспомнил, как вот так же
жила моя душа,
когда я любил одну женщину.
В Черновцах? в Киеве? в Стамбуле?
или здесь... сейчас... в Праге?

Он спросил, как она понимает любовь,
её природу, ткань, облик.

Она ответила:

«Любовь — это большая чёрная туча».

На следующий день он улетел в Америку.

Добрался до штата Небраска,

разыскал индейское племя дакота,

поставил им ящик огненной воды,

поклонился идолищам

и был наречён

«Большая Чёрная Туча».

А что ещё ему оставалось делать?

Я буду бороться до последней капли спермы.

А если не буду, покажите мне эти стихи,

пристыдите меня ими.

Вот, ты же обещал, так что же не борешься?

Дети, внуки, вдова,

дайте слово, что

так и сделаете!

Молчите? Притаились?

Ладно, обойдусь.

Сам справлюсь.

Справлялся же раньше.

Ну и пусть,

пусть остывают, выпадают,

затухают, выпускают,

увядают, почивают,

синеют, околевают —

член за членом,

конечность за конечностью,

всё равно клянусь до последней,

до капли,

до спермы.

Я понял, на кого я похож:

на таможенника.

Тот же — землистый — цвет лица,

и того же оттенка одежда.
Всегда напряжённый,
даже подозрительный взгляд,
психологическая сосредоточенность,
можно сказать, нацеленность.
Но главное: досмотр.
Досмотр слов.
Всё двусмысленное, инфекционное,
противозаконное, богопротивное —
по моей части.
Не упустить, не проморгать.
Иначе стихи станут «шестым столом» —
пюре на воде без соли, —
за который усаживают доходяг.

Вечером пришёл Доналд
с «ворохом» новостей.
Он влюбился. «Смертельно».
Жена знает. Ведёт себя мудро.
Дети, конечно, не догадываются.
Я ей пишу, — говорил Доналд о возлюбленной, —
что каждое её письмо —
это гвоздь в гроб
моей семейной жизни.
Моя жена посоветовала Доналду
«взять паузу».
Она была необыкновенно
тактична, умна, чутка.
В этот самый вечер
я собирался сказать ей,
что люблю другую женщину.
Но пришёл Доналд!

Эта кошка в моём положении
фыркает, скалит зубы,
грозит хвостом.

Я думал, она умней.
Где же были
её звериные инстинкты,
тонкое обоняние,
острый слух?
И как её угораздило
попасть в моё положение?

Ночью они переходили
на родные языки.
Каждый на свой.
Странным образом
она понимала,
когда он говорил
«Положи мне руку на грудь»
или
«Я пока не могу».
А утро начиналось
с бодрого, но чужого
«Good morning, darling».

Повторите.
Не понимаю.
Как это нет рифм?
Вы что, ослепли?
Попробуйте прочесть вслух.
Не слышите?
Да вы ещё и оглохли!
Ну попросите сына прочесть.
Что, сына нет?
Да есть он у вас, есть!
Клянусь всеми рифмами
в мире!
Считаю до трёх.
Если не увидите рифм,
я проткну вас

вот этим хореем.

Раз!

Два!

Два с половиной...

Я ошибся.

Полканчик выл всю ночь

и даже пустил слезу.

Интересно, собаки могут

утирать слёзы лапой?

На рассвете соседи вызвали полицейских,

и они взломали дверь.

Я забрал Полканчика.

Ну я-то выдержу пять кило?

В Москве мы видимся,

а так — переписываемся.

Написал:

«В субботу, плавая в бассейне,

думал о вас.

Что-то есть в Вас изумительное.

Но что?

У меня есть кое-какие соображения.

Мать и отец ушли, всё выключили,

но свет в одной комнате оставили.

Это про Вас. Дочка-лампочка.

Звучит чересчур поэтично,

но мы ведь говорим о тонких материях,

не так ли?»

Больше она мне не писала.

Почему? Обиделась?

Но на что?

Ещё сочинение стихов похоже на

укладку газопровода по дну моря.

Спускаешься на глубину,

работаешь почти вслепую
под давлением сотен атмосфер.
Позиционируешь слова,
свариваешь предложения,
а швы между ними проверяешь ультразвуком.
И когда по трубе пойдёт газ,
кто-то в далёком доме
чиркнет зажигалкой, зажжёт конфорку,
сварит кофе —
и давай сочинять стихи.

Это неправда.
Он не говорит «одно и то же».
Да, повторяет мантры «люблю», «скучаю» и пр.
И он вовсе не против, чтобы она тоже это делала.
Хотя бы изредка.
Вообще-то, он не согласен с её идеологией любви.
И не только с идеологией.
Разве её любовная биография лучше?
Все эти разговоры
«С X или Y было скучно... Z мне наскучил...» —
чушь собачья.
Да если любишь, то не бывает скучно.
Это слова-уловки, чтоб не говорить «не люблю».
Да и не только с идеологией.
Разве её любовная биография лучше?
Успешней?
Он вспомнил, как на рассвете сказал ей:
«Ты знаешь, мне кажется, так беременные
каждую минуту чувствуют в себе плод».
Вот это «одно и то же»?
Разве такое ей кто-то уже говорил?
Больно помог ей «язык тела»!
Да у этого языка только дюжина жестов,
раз... два... ладно, две дюжины.
А вот у языка — просто языка — миллионы слов.

И каких!
Тьма глаголов, бездна прилагательных,
пропасть междометий...
Может, она лентяйка?

Утром перед офисом
я встретил лаборантку
из нашего медпункта.
Она несла пробирки
с кровью коллег
на анализ в клинику по соседству.
Лаборантка была в белом халате,
а пробирки алые.
Впервые в жизни
мне захотелось
изнасиловать женщину.
А если бы она согласилась?
Нет. Это ещё зачем?
Именно изнасиловать.

«Изумительная» написала.
У неё барахлила электронная почта,
и моего последнего письма она не получила.
Как-то глупо
повторять то же самое.
Так и будет.
Думаю, да нет,
просто уверен,
что это было самое важное письмо
в её жизни.

Массажист сказал мне,
что с некоторых пор
его волнуют исключительно
одетые женщины,
причём незнакомые,

при этом идущие по улице.
Пока он месил мне спину,
я думал, какие стихи мне нравятся.
А вот какие:
с кривыми ногами,
волосатой грудью,
тяжёлой, как у бойлера,
одышкой.

Утром он сказал ей по-английски,
что понял, в чём смысл ночи.

— В чём?

— Ночь — это повод для любви,
а не время суток.

Сказал и засмеялся.

— Почему ты смеёшься?

— Потому что на родном языке такого не скажешь.

— Почему?

— Чересчур возвышенно. Засмеют.

— Почему?

— Отцепись! Ну что ты заладила?

Да, по утрам
я отношу пробирки
с кровью наших сотрудников
в лабораторию поликлиники.
Пробирки – алые,
а я – как Снегурочка.
Иду по снегу и думаю:
вдруг на меня вампир нападёт.
Из пробирок кровь высосет,
меня искушает.
Что? Встречала в жизни?
Нет, в жизни не встречала.
Это так, кошмары,
придурь.

Чем отличаетесь от других?
Скажу.
Думаю,
да нет, просто уверен,
что у вас дистанция
между слёзными ямками лобной кости
и глазным яблоком
на четверть миллиметра короче,
чем у прочих людей.
Да что это с вами,
darling,
вам воды?
Или чего покрепче?

ОТЕЦ (1910—1969)

Ну что ты тянешь?
У тебя совесть есть?
Тебе — 98.
Я хочу написать о тебе воспоминания,
но пока ты жив, не могу.
Ты что, нарочно?
Хочешь меня переплюнуть?
Боишься моих воспоминаний?
Боишься, что у человечества
волосы дыбом встанут?
Да не трусь,
человечество и не такое слыхало.
Но я уж постараюсь. Будь уверен.
Всю душу вложу.
И если у человечества
остался хоть один волосок,
то он встанет!
Отцом родным клянусь!

В его возрасте — по крайней мере, он так считал —
отношения с женщиной никаких особых открытий,
ракурсов, обертонов не предполагали.

Однако

всё же

вопреки

ей удалось кардинально изменить его отношение
к тому времени суток,

которое принято называть «утро».

Он впервые полюбил его

благодаря виду

на её почти мальчишеский затылок

и мягкий абрис плеча.

Её можно назвать
«побегом раба».
Ночью он крадётся из загона,
походя глядя псов.
Поднимается к ручью
и пускается вверх по течению.
Бежит грузно, сосредоточенно.
Ему вслед шипят гремучие змеи
и облизываются пиявки.
Он рвёт на Север к границе штата Теннесси.
Днём будет спать,
а ночью снова рвать на Север.
О чём я?
Верно.
О джазовой импровизации.

Ну и ну!

Всё подтвердилось. Оказывается,
антропологи доподлинно установили,
разговаривают ли горные пастухи
с козами и овцами, когда трахают их.

Ну и после.

Так вот: разговаривают.

Ладно, урчат, булькают,
но что-то нежное.

А моя молчит как рыба.

Да ещё настаивает:

— Тебе что важней: actions or words?

— В любви? Конечно, слова!

У фена в ванной комнате
есть побочное положительное качество.
Допустим, твои глаза почему-то
лопаются от слёз.
Ты как ни в чём не бывало
встаёшь посреди разговора
в гостиничном номере
и делаешь вид, что тебе нужно в уборную.
Заходишь в уборную (ванную комнату),
врубаешь фен и близко-близко
подносишь его к глазам.
Высушив их, вальяжно выходишь
и резко меняешь тему разговора с собеседницей.

Теперь, спустя полвека,
я понял, какое сильнейшее впечатление
произвела на меня смерть мальчика,
который лежал в одной палате со мной.
Он умер от водянки.
Его спасали ночью, но не спасли.
Наутро кровать напротив была пустой.
Нет, не пустой, а осиротевшей.
Я понял про «сильнейшее впечатление»,
потому что спустя полвека
говорю об этом словами.

— У меня коленки дрожали,
так я его любила.
А теперь встретила в супермаркете,
и ничего, ничего не дрогнуло.
Он посмотрел на её колени.
Они были неподвижны,
словно сделаны из мрамора. Розового.
— А сколько ему сейчас?
— Ну как вам, Игорь, за шестьдесят.
Он ослабился. Помолчал.
Если раздвинуть эти колени,
то, может быть, мрамор дрогнет?
Он с энтузиазмом спросил:
— А в каком супермаркете вы его встретили?

Инстинктивно он искал
оправдания:
спьяну заходил в винные лавки,
где его знали,
и просил бумагу.
Пока он писал,
стихи были гениальными.
Дома он выбрасывал их
в мусорное ведро:
пусть графоманы и юноши потакают себе.
Да, ни одного
пьяного черновика он не сохранил,
и правильно сделал.
Но вот это чувство,
это воспоминание
вдруг вернулось
много лет спустя,
и он сел к столу,
сдвинул бутылку на край
и набросал несколько строк.

— Видишь ли, когда не остаётся надежды,
врачи делают укол адреналина прямо в сердце.
Вдруг оно встрепенётся.
Все мои «истерики», «драмы» — это укол.
Иначе наша «любовь» давно бы сдохла.
Спокойно. Тихо. Хладнокровно.
Твой климакс, смещение позвоночных дисков,
приливы и отливы крови в башке —
это всё, что осталось твоему Ромео?
Мои «перепады», «кардиограмма настроений»
(Господи, какая же у тебя рука!) —
это имитация эротики.
Но как бы мы выжили без этой имитации?
Да, я не хочу, чтобы эта старая кляча («любовь»)
околела.
И потому я делаю укол в твою п...у. Прямо в неё.
Ну как?

АНГЕЛ

(перевод с немецкого)

Все говорили, что она — ангел.

Я тоже так думал:

она выглядела как ангел

и жила как ангел.

Я влюбился.

И лишь тогда понял, что ангелы
покровительствуют влюблённым,

но сами любить не могут.

У них другая работа.

Мой ангел

разорвал моё сердце

и швырнул его стервятникам.

Я знаю, что я должен был сделать,
чтобы она меня полюбила:

вырвать у неё крылья с мясом,

розовым ангельским мясом,

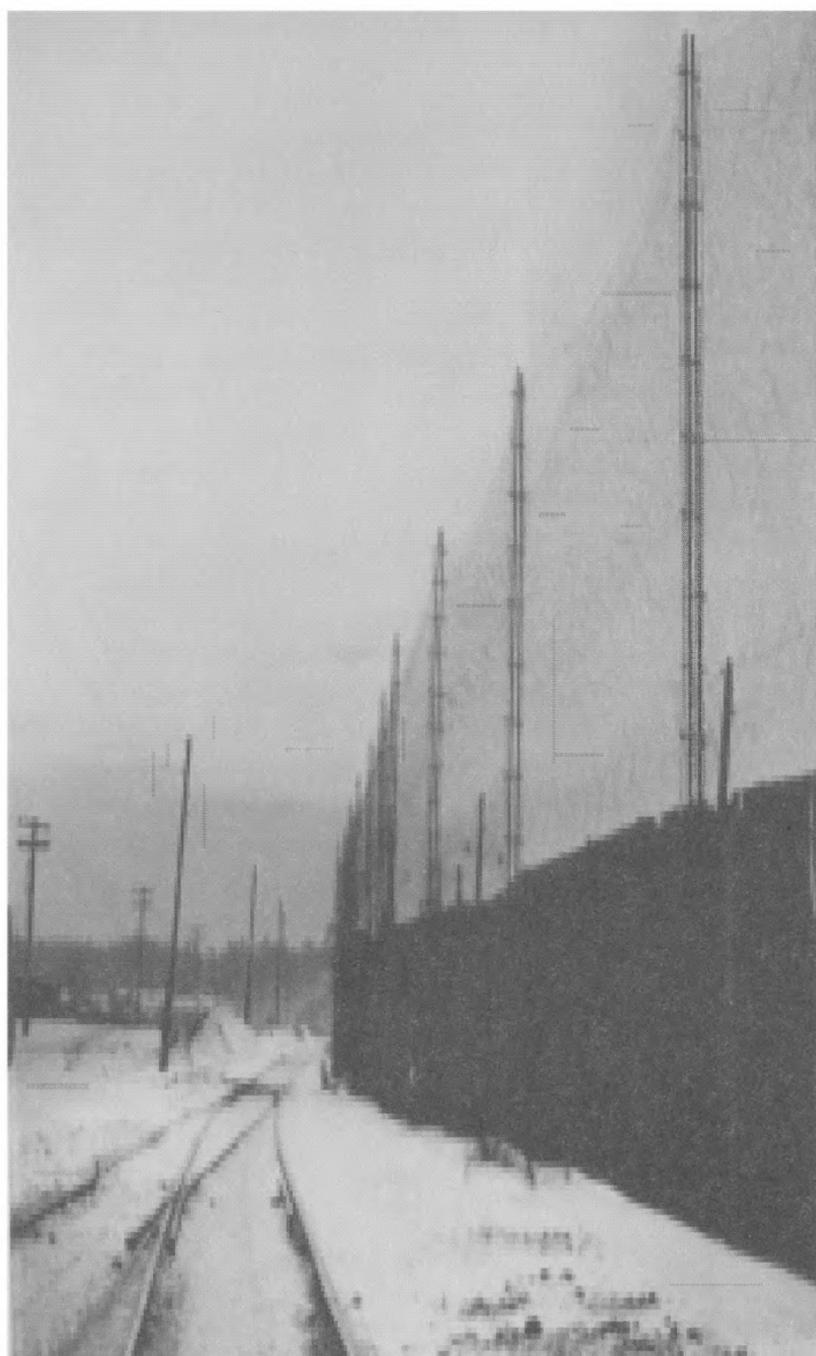
и выбросить их

к чёртовой матери,

к чёртовой матери.

Clearance я прошёл.
Не знаю, как они проверяли.
У них свой сыск.
Но допустили.
Мы встретились
на границе Афганистана и Пакистана.
Точно не знаю где.
Глаза мне завязали,
везли часа два,
а когда сняли повязку,
я увидел его глаза.
Он был божественной красоты.
«Божественной» от слова Бог.
Но другой Бог.
Не мой.
У меня не было пистолета, ножа,
радиоактивного порошка.
Только магнитофон.
Да, только магнитофон.
Заминированный.

Игорь Померанцев
И
соавторы

ГОСТИНИЧНЫЙ МЕНЕДЖЕР МИЛЕНА

Знаете, скорей нет.
В группах не заинтересованы,
хотя финансово это выгодно.
Я помню, как команда
израильских баскетболистов
утром забрала с общего стола
все блюда с сырами, ветчинами и джемом.
Я, конечно, им сказала,
что это для всех гостей.
Вы бы слышали,
как они расхохотались.
Понимаете,
даже если англичане
с их пресловутым индивидуализмом
стоят в холле, как стадо,
то гостиница принадлежит уже им,
и вся атмосфера, климат,
в который я вложила душу,
ну, что ли, портится.
Знаете, с этими группами
я как изнасилованная.
Так что больше не принимаем.
Пусть живут в «Хилтоне»,
да где угодно.
А в моей душе
для них свободных номеров нет.
Я ясно выражаюсь?

ЛЕНА ИЗ КОНЬКОВО

Вышла я вчера вечером из дому,
а там дети кучкой, лет по десять, с собакой.
Они меня не заметили.
Пока я курила и на собаку глядела,
они забежали в подъезд и стали дразнить
старуху-консьержку
таким ужасным матом. Я им закричала:
— Пошли отсюда, а то уши надеру.
Убежали. С собакой. Я снова закурила.
Возвращаются. И опять за своё.
А я быстро бегаю. Как побежала,
как схватила двоих за шкирки.
— Сейчас бить не буду, но снова увижу —
без ушей останетесь.
Ещё сказала: вот представьте себе,
что вы — старики. Ну напрягитесь. Да, старики.
Противные, слабые, на фиг никому не нужные.
Ну как, представили? Нет?
Ладно. И вот вы идёте с палочками,
а к вам подбегают придурки и говорят:
— Ну что, старые мудаки? Может, яйца вам оторвать?
Вам это понравится?
Ну и отпустила.
И тут догоняет меня какая-то тётка.
И говорит, что один из мальчишек — её внук.
И что она не знает, что делать.
Одна надежда — на кадетское училище.
Уже вроде договорились.
А растит она внука одна: зять в тюрьме,

а дочь на наркоте сидит.
Внучек в общем хороший.
В школе успевает, на айкидо ходит,
тренер бесплатно с ним занимается.
И попросила помолиться за них —
Инну и внука Артемия.
Напоследок поблагодарила,
что я её выслушала.

ГОСТИНИЧНЫЙ МЕНЕДЖЕР МИЛЕНА

Повлияла?
Гостиница?
Боюсь, что да.
Checking in, checking out.
Как это по-русски?
Зарегистрироваться?
Прибыл—убыл?
Да, с мужчинами
тоже так.
Я в этом бизнесе,
гостиничном, уже лет двадцать.
И не замужем.
Вы меня понимаете?

КОНДИТЕР МАРКУС

Как давно?

В Праге уже месяца два.

Нет, это целая сеть ресторанов,
называется «В тишине».

Какие впечатления?

Нет слов.

Найти их?

Я бы так сказал:

«У них нет концепции кондитера».

Что это значит?

Нет индивидуального рабочего места.

Нет понимания количества и качества продукта,
вкусов клиента.

На днях попросили испечь хлеб.

Мне это как «Маленькую ночную серенаду» сыграть.

Но в каком мы веке живём?

Они что, не понимают
в какой я гильдии?

Да я — третья ракетка Кёльна!

Зачем же меня попусту расходовать?

Наши классики называли архитектуру
застывшей музыкой.

Понимаете, я — архитектор,
пусть однодневок,

но кто-то запомнит их на всю жизнь.

А если верить нашим классикам,
так я ещё и музыкант.

Кстати, я слышал, что вы пишете стихи.

Лирику? Басни? Песни?

МАРТИН, СЛУЖИТЕЛЬ БАССЕЙНА В ГОСТИНИЦЕ

Итальянцы — аквацентристы.
Полный атас.
Никому плавать не дают.
Только в своё —
и больше ничьё —
удовольствие.
Они и в сауне такие.
Один итальянец —
и всем уже тесно.
Выходишь из сауны — в поту,
в его поту.
Дети тоже — полный атас.
Плавают по непредсказуемым траекториям.
Я вам советую на их глазах
разлечься в джакузи
и начать бултыхаться
со страшной силой.
Они тотчас к вам перебегут,
а вы тихонько назад, в бассейн.
Кого обожаю,
так это японок.
До чего тактичные.
Вроде плывёт рядом,
а бассейн от этого
только шире становится.
Две японки — безбрежный простор.
Не бассейн, а море.
Сумасшедшие? Да, бывают.

Один такой плавал
исключительно по периметру.
Простите, я, кажется, вас совсем заболтал.
Поплавайте,
пока никого нет.

ГОСТИНИЧНЫЙ МЕНЕДЖЕР МИЛЕНА

Он привёл цитату, кажется,
из итальянского романа «Леопард».
Мол, брак — это год горения и тридцать лет пепла.
Я спросила, а как у него с этим делом.
Он ответил, что у любви, в отличие от брака,
свой срок: лет пять.
Я спросила, каким календарём
он исчисляет любовь.
Он не понял.
Тогда я пояснила.
Можно, к примеру, учитывать
только дни и ночи свиданий.
Тогда пять лет будут длиться куда дольше.
Он подозрительно посмотрел на меня.
Подумав, спросил:
— А какой бы календарь вы пожелали нам?
Я ответила, что хочу,
чтобы под рукой были оба,
а я уж разберусь.
Не знаю, что он подумал, но вслух сказал:
— Да, гостиница — ваше призвание. Прежде
я никогда не встречал людей,
столь тонко и глубоко
оперирующих понятиями
«день» и «ночь».

АВСТРИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТКА ЙОАНА

Я стояла под душем
и слушала радио.
И вдруг услышала
свою фамилию.
Я решила, что радио цитирует мою статью
о Пражской весне.
Не хочу хвастаться,
но статья была классная.
Я прислушалась.
Нет. По радио
читали стихи.
Я обомлела.
Это были стихи моей матери.
Ein junger Rat
im Rathaus meinte:
sie Mussten doch
in Auschwitz
Dokumente haben!*
Моя мать —
Hausfrau,
недобиток Холокоста —
пишет стихи!
Я разрыдалась
и не выключала воду,
пока не кончились слёзы.

* Молодой чиновник
из муниципалитета настаивал:
— Но хоть какой-то
документ в Освенциме
у вас был! — *И.П.*)

ПАРИКМАХЕР ЕЛЕНА

Не люблю я пробор.
Понимаете,
пробор — это граница.
А значит, запрет.
Разве голова — это два Берлина?
Граница — это «не пущу».
Куда «не пустишь»? В башку?
Да что она из себя корчит?
Какие такие мысли в ней бесценные?
Ладно, что-то я распсиховалась.
Я, наверное, в душе —
нарушитель границ.
Вот и нашла себе работу:
счёсываю проборы.
Ну вот, поглядите,
разве так не лучше?

АЛИКС и НИКИ

— Мой дорогой, бесценный Ники,
целую твоё только что полученное письмо.
Как мне стыдно, когда я думаю о том,
как вела себя в тот вечер.

Что ты должен был подумать обо мне,
плачущей, как ребёнок?

Я знаю, что мужчины не любят слёз, —
не думай обо мне из-за этого плохо,
хорошо?

Я не могу лечь спать,
не поговорив с тобой.

Большая толпа вышла на улицы
посмотреть, как мы выезжаем.

И полиция не могла их оттеснить.

Так неловко, когда тебя рассматривают,
как будто ты дикое животное,
сбежавшее из зоопарка.

Как нехорошо, что офицеры
советуют тебе не писать мне
каждый день, ведь это то,
что облегчает разлуку.

Заглянуть в твои глаза —
значит уже никогда их не забыть.

— Дорогая маленькая Аликс,
мне уже виден берег Дании
и вдали — два маяка.

Как не хватает тебя везде и во всём.
Вместо того чтобы посылать тебе
это послание из Копенгагена,

я отдам его лоцману,
который выйдет в Дувре,
так что сегодня же моя любимая
получит весточку от своего шалопаю,
плывущего по морю.

— Ники, какой будет конец?..

— Аликс,
твой до смерти!

Как всё это сердечно, трогательно, мило!
Но зачем, зачем они родились
императором и императрицей?!

РЕНАТА, ПОЭТ

Игорь, мне предложили
напечатать в антологии
стихи о любви.
Только подумайте:
я ни одного у себя не нашла.
Сколько мне лет? Пятьдесят два.
Ни одного.
Почему? Сама не знаю.
Да без меня этого добра хватает.
А там, в антологии,
и Герда, и Магнус, и Вольф...
Игорь, пожалуйста,
подарите мне стихи о любви.
Я сама переведу на немецкий.
Я же знаю: у вас широкая русская душа.
Ну хоть одно.

ГОРОД ЛЬВОВ

Львовское интернет-издание ZAHID.net
заказало мне эссе о Львове.

В этом городе я служил в армии.

Программа максимум была — выжить,
просто выжить.

Дважды меня сажали в карцер:

так, из социальной ненависти.

По дороге из камеры в уборную

меня по дури мог пристрелить

полупьяный солдатик:

при попытке к бегству.

И был бы прав:

каждый день я мечтал о побеге

и кусал руку до крови,

чтобы не сбежать,

не перейти на сторону врага.

Из окна казармы я видел парк,

названия которого я не знал.

Парк был таинственным, неземным:

по нему ходили женщины.

Я мечтал, что однажды

меня отпустят в увольнительную,

я буду гулять по парку

и познакомлюсь с женщиной,

лучше проституткой

(«сказано — сделано»).

В день, когда меня демобилизовали,

я вышел за ворота казармы

и почти бегом пустился к вокзалу,

не глядя по сторонам.

Сел на первый же поезд и
через пять часов приехал домой.
Мне нечего сказать о городе Львове.
В молодости я жил в казарме,
которая называлась Львов.

Содержание

КГБ И ДРУГИЕ СТИХИ

«Я считаю, что это неплохой результат...»	7
«Внезапно стемнело...»	8
«Между прочим, моя-то, Галина Ивановна, на допросе...»	9
«Полосы света. Июль...»	10
«Это была единственная искренняя фраза...»	11
«В первое утро ареста...»	12
«Я позвонила папе на работу...»	13
«Поздно вечером...»	14
«Бабушка молчала. Отец бурчал...»	15
«Забывтый лес, что отшумел. Названье...»	16
«Ну хорошо, мне рук не выкручивали...»	17
«Божья коровка...»	18
«Однажды Валерий Николаевич...»	19
«В бане, в августе, в космах воды...»	20
«Вилен Павлович мне честно сказал...»	22
«Хотя октябрь...»	23
«В блоге прочёл воспоминания...»	24
«Срок их заключения...»	25
«Умерла мать Евгена...»	26
«Ночами, такими туманными...»	27
«Несколько дней кряду меня водили по коридору на допросы...»	28
«Поступок совершён...»	29
«Мыкола «изнасиловал» девушку...»	30
«Пасть собаки...»	31
«Зачем Моисей это сделал — не знаю...»	32
«От голословности полей, равнин декабрьских...»	33

«На кухне у Марка...»	34
Надии	35
«Устраивать свадьбу во время чумы...»	36
«В подсобке магазинчика...»	37
«Вот из-за чего было стыдно...»	38
Григорию Т.	39
«Потрясающе!..»	40
«Жена прочла две дюжины стихотворений и сказала:...»	41
«В наш двор родители охотно...»	42
Рондель	43
«Дело было в Эр-Рияде...»	44
«Они позвонили в шесть утра...»	45
«После семи лет в лагерях...»	46
«На предарестном снимке...»	47
«Слушай, ты — клёвый чувак!..»	48
«Спустя три недели после ареста Евгена...»	49
Утренние сроки	50
«Мой старший брат...»	53
«У Григория всё началось в Париже...»	54
«Что было неприятней всего?...»	55
«Накануне отъезда...»	56
«Уже не помню...»	57
«Да, чуть было не забыл...»	58
«В хореографическом училище...»	59
«Накануне отъезда я прочел...»	60
«Она думала...»	61
«Первое письмо...»	62
«В ссылке Иван перевёл...»	63
«Мы сидели в ресторане Palfy Palac...»	65
Послесловие	67

УКЛАДКА ГАЗОПРОВОДА ПО ДНУ МОРЯ

«Самая главная любовь —...»	71
«Он умер? Да что вы говорите?...»	71

«Ухохочешься!..»	72
«Второй встречи с ней...»	72
«Удивительные существа!..»	73
«Напрасно он пригласил её домой...»	73
«Я заперся в уборной...»	73
«Утром они уходили на работу...»	74
«Он опубликовал простыни...»	74
«Ну что тебе сказать, дочка, о любви?...»	75
«— Ты хочешь...»	76
«Ночью приснились стихи...»	76
«На пражской улице...»	76
«Он спросил, как она понимает любовь...»	76
«Я буду бороться до последней капли спермы...»	77
«Я понял, на кого я похож...»	77
«Вечером пришёл Доналд...»	78
«Эта кошка в моём положении...»	78
«Ночью они переходили...»	79
«Повторите...»	79
«Я ошибся...»	80
«В Москве мы видимся...»	80
«Ещё сочинение стихов похоже на...»	80
«Это неправда...»	81
«Утром перед офисом...»	82
«“Изумительная” написала...»	82
«Массажист сказал мне...»	82
«Утром он сказал ей по-английски...»	83
«Да, по уграм...»	84
«Чем отличаетесь от других?...»	85
Отец (1910—1969)	86
«В его возрасте — по крайней мере, он так считал —...»	87
«Её можно назвать...»	88
«Ну и ну!..»	89
«У фена в ванной комнате...»	90
«Теперь, спустя полвека...»	91
«— У меня коленки дрожали...»	92
«Инстинктивно он искал...»	93

«— Видишь ли, когда не остаётся надежды...»	94
Ангел	95
«Clearance я прошёл...»	96

ИГОРЬ ПОМЕРАНЦЕВ И СОАВТОРЫ

Гостиничный менеджер Милена	99
Лена из Коньково	100
Гостиничный менеджер Милена	102
Кондитер Маркус	103
Мартин, служитель бассейна в гостинице	104
Гостиничный менеджер Милена	106
Австрийская журналистка Йоана	107
Парикмахер Елена	108
Аликс и Ники	109
Рената, поэт	111
Город Львов	112

Игорь Померанцев

КГБ И ДРУГИЕ СТИХИ

Дизайнер *В. Новик*
Редактор *Н. Зиновьева*
Корректор *Е. Мохова*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
тел.: (495) 976-47-88
факс: (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 4. Тираж 1000. Заказ № 14030

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 г.

«Художественная серия»

Марина Бувайло
ИГРЫ
Повести

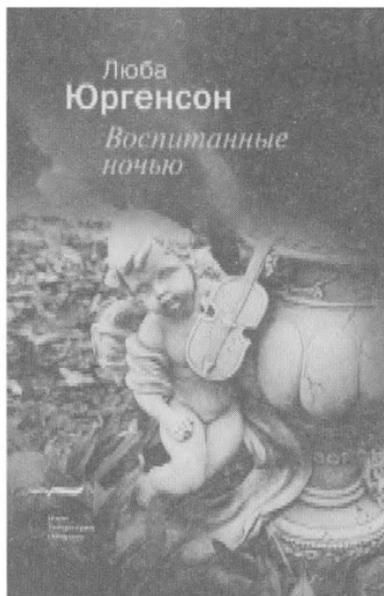

Марина Бувайло родилась в Баку. По образованию врач-психиатр, в настоящее время живет в Лондоне. Автор книги «Эх, дороги!» (НЛО, 2006). Повести, вошедшие в книгу, растягиваются по времени от позднего сталинского до раннего перестроечного, увиденного в значительной мере глазами людей молодых. В отличие от взрослых, они воспринимают внешние перемены как что-то естественное, но и в их жизни достаточно драматизма. Внутренний мир своих героев, их поиски, проблемы, сомнения и коллизии писательница раскрывает с глубоким сочувствием и пониманием.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 г.

«Художественная серия»

Люба Юргенсон
ВОСПИТАННЫЕ НОЧЬЮ
Роман

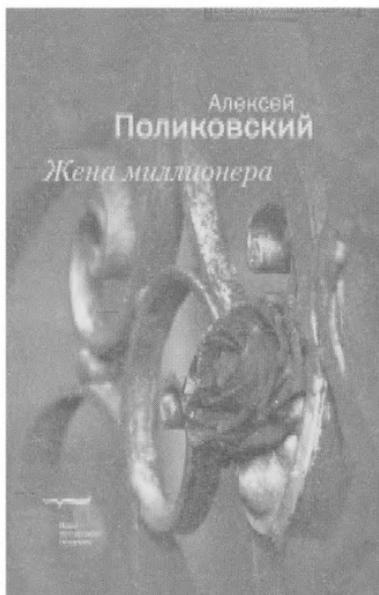
1938 год. Катарина фон Менцель в панике: грядет война, а с нею дефицит мужчин. Мысленному взору рисуются толпы калек. Пока есть время, надо не упустить свое. Берлин, Париж... Молодая прусская аристократка возвращается в кругах артистической богемы, с успехом пробует свои силы в музыкальной журналистике. Но всякий успех отныне в компетенции гестапо. Это касается и музыки. Тогда как Парижская опера ставит Дебюсси и Берлиоза в прославление «нового порядка», на восточной границе «Тысячелетнего рейха» выступает с концертами оркестр, музыканты которого, вместо фраков, носят полосатую форму узников лагерей смерти.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 г.

«Художественная серия»

Алексей Поликовский
ЖЕНА МИЛЛИОНЕРА
Роман

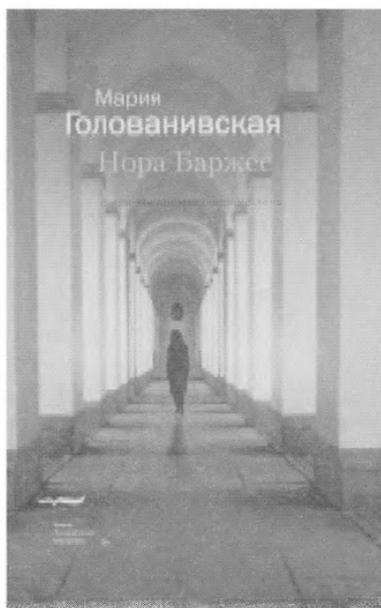
Это не просто книга о любви, это попытка понять, что такое любовь. Это не просто книга о любовном треугольнике, это повествование об опасной игре, в которой нет победителей. Это рассказ о страсти, которая сводит с ума, ломает, калечит и делает счастливым. Это больше чем история любви — история времени, в котором мы все живем. Это время делает мужчин хищными, как акулы, а в женщинах пробуждает желания, в которых не способен разобраться даже лучший швейцарский психоаналитик. Варварская Москва и благородный Монтре — декорации для азартной русской игры, участники которой ставят на кон самих себя. Ими движет самое острое человеческое желание: желание сбыться. Они хотят овладеть не друг другом, а самой жизнью, ее самым сладким куском. Все виды человеческой жажды — жажда счастья, жажда любви, жажда обладания, жажда денег — находят тут свое место.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 г.

«Художественная серия»

Мария Голованивская
НОРА БАРЖЕС
Роман

Новый роман Марии Голованивской «Нора Баржес» рассказывает о семейной драме, происходящей в среде московской интеллектуальной элиты. Чтобы насолить своему недалекому мужу, бизнесмену от науки, героиня заводит интрижку с провинциальной девушкой, приехавшей покорять столицу. Трагический финал все расставляет по местам. «Нора Баржес» — это философский роман о простом и сложном, мужчинах и женщинах, евреях и славянах, охотниках и жертвах, искушении и выборе. Мария Голованивская — автор книг «Частная коллекция» (1991), «Двадцать писем господе Богу» (1994), «Противоречие по сути» (2000), «Состояние» (2004), а также переводов с французского, среди которых «Пена дней» Бориса Виана, «Упражнения в стиле» и «Зази в метро» Рэмона Кено, «Стихотворения» Лотреамона.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 г.

«Художественная серия»

Вероника Бодэ
БЕРЕГА ТЕ И ЭТИ
Стихотворения, рассказы

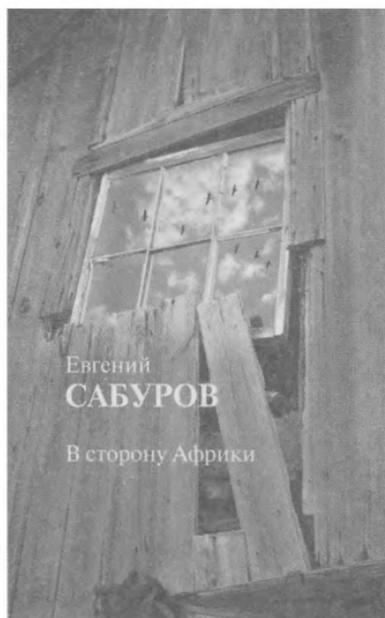
Это книга о России и об Америке. О судьбах людей и об их внутренней жизни. В ней переплетены реальность и вымысел, перекликаются стихи и проза. Герои книги — нью-йоркские маргиналы и русские герои гражданской войны, высоколобые интеллектуалы и рабочие-алкоголики. С мистическими рассказами соседствует ироническая статья о русском языке и «Соло на пентюме», смешные зарисовки из современной жизни, жанр которых заимствован из знаменитых записных книжек Сергея Довлатова. Первая книга прозы известного журналиста Вероники Бодэ, ведущей программ на Радио Свобода, в начале 1990-х годов — редактора газеты литературного авангарда «Гуманитарный фонд».

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 г.

«Художественная серия»

Евгений Сабуров
В СТОРОНУ АФРИКИ
Стихотворения и поэмы

Поэт, экономист и общественный деятель Евгений Сабуров (1946—2009) — одна из самых ярких и парадоксальных фигур современной русской поэзии. Его поэтическое творчество — не досуг известного публичного интеллектуала, а необходимая и важнейшая составляющая его деятельности. В его стихотворениях сочетаются нежность и бесшабашная насмешливость, а за простыми на первый взгляд лирическими сюжетами скрываются сложнейшая вязь культурных аллюзий и напряженные размышления на религиозные и исторические темы. Центральные произведения этой книги — две новые большие поэмы «В поисках Африки» (название отсылает к поэме Ф. Петрарки «Африка») и «Художник в старости».

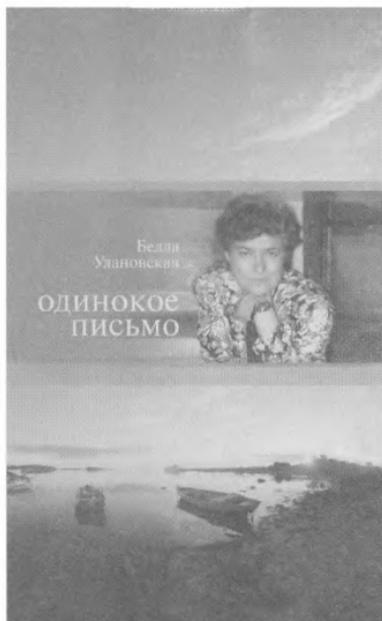
Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2010 г.

«Художественная серия»

Белла Улановская
ОДИНОКОЕ ПИСЬМО

Неопубликованная проза. О творчестве Б. Улановской:
Статьи и эссе. Воспоминания

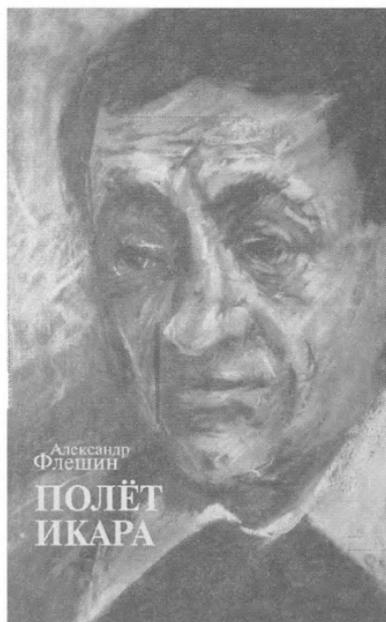
В сборнике памяти замечательного петербургского прозаика Беллы Улановской представлены произведения писательницы, не публиковавшиеся при ее жизни, статьи о ее творчестве и воспоминания о ней, а также фотографии, часть которых была сделана Беллой Улановской во время ее странствий по Северной и Центральной России.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2010 г.

«Художественная серия»

Александр Флешин
ПОЛЕТ ИКАРА
Избранное

Александр Ефимович Флешин (1928–2005) – поэт, творчество которого было малоизвестно при жизни. Его стихами восхищались Рюрик Ивнев, Аркадий Штейнберг, Вениамин Левик, среди его друзей были такие яркие поэты, как Анатолий Маковский, Евгений Сабуров, а также многие не-официальные художники. В 1974 году Флешин пополнил ряды политзаключенных, домой вернулся в 1978-м. Стихи он писал до конца своих дней, и эта преданность искусству была вознаграждена: в его литературном наследии есть несомненные поэтические достижения. Не выходя за пределы традиционных форм, Флешин умел чутко откликаться на различные жизненные явления, не без юмора сочетая гуманизм с медитативностью даосского оттенка. В книгу включены репродукции переданных в дар семье Флешинных работ В. Яковлева, М. Гробмана, А. Зверева, В. Ситникова, А. Фонвизина и других художников.

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80
«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, 797-87-17
«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91
«Молодая гвардия» ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01
«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чайнова, д.15, т. (495)250-65-46
«Гилея» — Институт ИНИОН Нахимовский просп. 51/21, 3 этаж,
т. (499)724-61-67
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т.
(495)624-46-45
«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу
«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте.
Тверской бульвар, 25 (вход с М. Бронной), тел. (495)202-86-08
ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74
Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94
Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре
«Фаланстер» — М. Гнезниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21
Проект ОГИ Потаповский пер., 8/12, стр. 2 т. (495)627-56-09
Книготорговая компания «Берроунз» т. (495)971-47-92

в Санкт-Петербурге:

Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04
«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28
«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91
Киоск в Библиотеке Академии наук ВО — Биржевая линия, 1
Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)
«Книги и кофе» — наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре
современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08
Книжная лавка писателей Невский пр., 66, (812) 314-47-59
Книжная лавка в фойе Академии художеств —
Университетская наб., 17
Книжные мастерские — Наб. реки Фонтанки, 15
(магазин при РХГА), т. (812)310-50-36
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке
Садовая ул., 20; Московский пр., 165 т. (812)310-44-87
«Книжный окол» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке),
т. (812)323-85-84
Книжный салон — Университетская наб., 11 (в фойе филологического
факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11

Книжный магазин-клуб «Квилт» Каменноостровский пр., 13,
т. (812) 232-33-07
«Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
«Ретро Стенд» № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;
ул. Обуховской обороны, 105
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) —
Невский пр., 28, т. (812) 448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:

«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т.(312)31-64-71

в Воронеже:

«Галерея»

в Красноярске:

«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:

Книжная лавка гуманитарной литературы, т.(4852)72-57-96

в Минске:

ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.

ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21, 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:

ООО «АВР» — т. (044)273-64-07

Интернет-проект «Лавка Бабуин» ул. Юрковская, д. 36, оф. 10,
т.(044)53- 22-43

в Стокгольме:

Русский книжный магазин «INTERBOK» Hantverkargatan, 32,
Stockholm, т. 08-651 1147

а также в Интернете:

www.ozon.ru

www.bolego.ru

www.lavkababuin.com/shop

www.mkniga.com

Игорь Померанцев

Игорь Померанцев родился в 1948 г. в Саратове, вырос в Черновцах, окончил факультет романо-германской филологии Черновицкого университета. С 1978 г. в эмиграции (Лондон, Мюнхен, Прага). Работал на радиостанциях Би-би-си (1980–1987) и «Свобода» (с 1987 г.). Автор книг стихов «Стихи разных дней» (СПб., 1993), «News» (Киев, 1998), «Почему стрекозы?» (СПб., 1999), «Семейное положение» (М., 2002), «Те, кто держали нас за руку, умерли» (М., 2005), «Служебная лирика» (М., 2007), а также четырех книг прозы и эссеистики, радиоэф. Первый лауреат учрежденной альманахом «Urbі» Премии имени Вяземского (1996).

Переносы строки — паузы: черная череда букв — шорох пленки; шрифт — тембр голоса; знаки препинания — его модуляции. Поэзия Померанцева — это и есть апофеоз эфира: и она, как эфир, неосвязаема, эфемерна, воздушна. Перед нами поэзия профессионального слушача во всех смыслах этого слова, поскольку на русском языке можно слышать не только звуки — но и запахи, но и вкус... Все отношения у Померанцева необязательны, все ситуации непредсказуемы, но разрешимы, а жизнь легка и фрагментарна, как заставка в эфире. Каждое стихотворение — это маленький рассказик, который плывет, как кораблик, по воздуху: от уст рассказчика к уху (опять ухо!) слушателя.

Глеб Шутьяков

Новое
Литературное
Обозрение

ISBN 978-5-86793-764-5

9 785867 937645